

Бегбедер накануне опоздал на самолет. И 1 июля появился с опозданием на полчаса, в сопровождении ругающегося Сергея Пархоменко. Издатель уютно вредничал вслух: «Какой там завтрак со звездой! Какая звезда — такой и завтрак. Я вот ему сейчас водки принесу».

Бегбедер опознал этот термин в русской речи, поймал Пархоменко на слове, с живой признательностью принял чашку коньяка. Засим рассказал аудитории, что, опоздавший накануне, был безутешен. «Я позвонил своему другу, русскому олигарху, и попросил его частный самолет. Но он отказал мне! Пришлось лететь рейсом «Аэрофлота» — и вот он я!».

Тут публике понесли приятную французскую сдобу и кофе (что входило в стоимость билета).

— Булки? С чем? Так: с маком, с изюмом... Кто автограф хочет — под-

— Но вам сопутствовал успех во всех областях: вы работали в рекламе, на ТВ, потом стали издателем.

— Да-да, вы хорошо информированы. Но сейчас моя задача — снова начать писать. Поэтому мне было бы хорошо снова стать бедным. (В публику.) И если вы вздумали купить здесь мою новую книгу, умоляю не делать этого! (Студенческий хохот.) Потому что я надеюсь вновь взяться за работу. Кстати, в будущей книге действие частично происходит в Москве.

Это будет история писателя, который имел слишком много успеха. И оттого он поддается самым идиотским соблазнам капиталистического общества. Он объезжает весь мир — и везде попадает в места, достаточно похожие друг на друга. Но, возможно, у него просто кризис среднего возраста. И, вместо того чтобы этому кризису как-то противостоять, он его просто называет глобализацией.

Это то, чем всегда занимался и я сам: принимал свои проблемы за проблемы всего мира. Но для того и существуют писатели: говорить о том, что происходит с ними, и считать, что это важно для всего мира.

Ну вот, например, когда меня звали в Москву, то говорили, что здесь чудесная погода. Но приехал я и привез вам холод и дождь. Человек, больной нарциссизмом и паранойей в такой степени, как я, может действительно это совпадение воспринять крайне нервно. ...Ну ладно, следующий вопрос.

— Вы хотели написать роман о ТВ. Написали?

— Нет. Я начал, но это было так тоскливо, что я бросил. В принципе я сейчас пишу «русский роман». По-

ходите, пожалуйста. Подпишу любой круассан! Десятью девять франков!

Был вопрос: как я нахожу время писать при такой яркой жизни? Да в общем-то никак не нахожу: я завязал с писанием.

Писательская работа — одна из самых утомительных. Но у большинства писателей нет выхода: они пишут и пишут, потому что у них нет успеха. Худшее, что может случиться с писателем, — это успех. Потому что с этого момента времени писать у него уже не остается.

мане про 11 сентября. — Е.Д.). И он мне говорил: «Зачем тебе сидеть в Нью-Йорке, чтобы писать про Нью-Йорк? Вот я пишу о Берлине, но отправляться в Берлин мне вовсе не интересно».

Меня это заставило глубоко задуматься, и вот я пишу два года о Москве, в Москве не бы-

сонаж — Волянд. Он приезжает в Москву и устраивает сеанс в театре, одевает женщин, а когда они выходят на улицу — они голые. Я думаю, что это очень точная сцена. Я полагаю, что в Москве сейчас много женщин, сами того не зная, ежедневно отдают дань Булгакову. Я полагаю, великий писатель был бы очень горд, что он, сам того не зная, так сильно повлиял на многих москвичек.

— Один ваш роман назывался «Лю-

Колос 203. - с. 21.
выносимый груз. Поэтому лучше останьтесь в спальне с женщиной — и чтобы женщина за вами присматривала. Эта невыносимость свободы — тема и «Романтического эгоиста», и моей будущей книги. Но сейчас у меня вроде ничего получается, я уже полтора года с одним человеком, и еще полтора года до всех этих ужасных вопросов.

Современный мир таков: он разрушает любовь. Раньше существовали структуры, которые мешали людям думать: религия, семья, брак, развод не было. То есть любовь была «охлаждена». А с тех пор как эти структуры разрушились, особенно в бывших коммунистических странах, представителю себе пару, которая 30 лет жила вместе, стало гораздо труднее.

...Сейчас вся эта конструкция железная (о палатке «Ялта» под ветром. — Е.Д.) об-

Фредерик БЕГБЕДЕР:

«Да я вас всех спасу!»

Звезда европейской прозы в Москве доказывала, что звание enfant terrible носит по праву

этому, пожалуйста, осторожнее со всем, что вы говорите и что делаете: вы можете попасть в мой роман. Возможно, я напишу такую сцену: вхожу в палатку, в ангар, а вокруг меня — фотографии. Очень интересно получится. А потом последует сцена группового секса. Женщины начнут раздеваться, все будет восхитительно. Первая сцена книги начинается через пятнадцать минут! Раздеваться по такому холоду, конечно, не очень-то... Но это полезно для тела!

— Можно ли сказать, что Россия вытеснила Америку из ваших пристрастий?

— Именно, именно так. Вообще-то я поставил себе за правило никогда не говорить о своем будущем романе. Потому что если тебе удастся о нем говорить, значит, тебе не удастся его написать. А я такой ленивый, что, если расскажу, не напишу точно.

У меня в прозе есть сцена с Аленом Роб-Грийе: я с ним встречался в Нью-Йорке, когда писал (сколько я понял, речь о ро-

вая. Каждое утро просыпаюсь в Париже и пишу о Москве.

Я здесь уже четвертый раз, у меня самые феерические воспоминания о зимней Москве. Сейчас я приехал, чтобы уточнить кое-какие детали и завершить книгу. Когда я приехал впервые, здесь был очень модный клуб, назывался «Лето». Ну, с тех пор, наверное, все времена года стали ночными заведениями.

Я много читаю о Москве. Вот прочел роман «Мастер и Маргарита». Там есть такой пер-

бось живет три года». Вы по-прежнему держитесь этого убеждения?

— Колетт говорила: что напишешь, то сбывается. Конечно, мой герой хотел бы в этом ошибиться. Вы помните: он изучает статистику и многое другое, он все пытается понять, почему в нашем обществе длительная любовь стала невозможной. Это роман о том, как трудно быть свободным. Я полагаю, что здесь, в России, вы должны понимать эту тему... Свобода вообще не-

«Сейчас моя задача — снова начать писать. Поэтому мне было бы хорошо снова стать бедным»

рушится и нас заданит. Как в Брюсселе на стадионе в 1989 году. Но там все это хулиганы спровоцировали. Есть тут у нас хулиганы?

(Влюбленный девичий воял глоток в пять из публики): — Есть! Вы-ы!

— Я хулиган? Ну ладно... Да я вас всех, наоборот, спасу! Вот глядите! (Сдвигает с себя свитер, остается в майке, напрягает бицепсы. Торс очень фитнесс-ухоженный, прямо грациозный: до положения он и майку задрал.)

Во! Я буду как храм Христа Спасителя! Там, кстати, булет происходить действие моей будущей книги! А там прада был бассейн, да?

А теперь это храм, я его обожаю, там такая полземная стоянка, можно «Порн» поставить. Я обожаю Москву! Недавно я был в Германии на встрече с читателями. Там их, кстати, было куда больше. Но Германию я не обожал.

...Нет, не буду надевать свитер снова: супермены не мерзнут!

● Записала Елена ДЬЯКОВА

ИТАР-ТАСС